

"Процесс... готовили вовсе не мои "одноплеменники", а большевистский интернационал, и в первую очередь — русские".

М. Дейч

"По одной еврейской или подзёрнутой заучившей фамилии на область, край или целый регион набрать, конечно, нетрудно".

С. Резник

МАРК СНОВА впал в истерику, прочитав список еврейских фамилий, задействованных в процессе "славистов", и ответил мне очередной статьёй в "Московском комсомольце" (14.12.2006), в которой стоял на своём: "Безусловно, это от начала до конца сфабрикованное "дело славистов" было одним из звеньев большевистской кампании против старой русской интеллигенции... И никакого заведомо антирусского процесса не существовало. Процесс был против невинных людей, подобранных сотрудниками "органов" прежде всего по социальному признаку. И готовили его вовсе не мои "одноплеменники", а большевистский интернационал, и в первую очередь — русские. Вот характерный пример. Весной 1934 года "дело славистов" было закончено и подготовлено обвинительное заключение. Его подписали начальник ЦСПО ОГПУ Коган и его заместитель Сидоров. А визировавший заместитель начальника СПО ОГПУ Ляшкова. Утвердил начальник СПО Молчанов". Словом, процесс организовали "в первую очередь русские" и "никакого заведомо антирусского процесса не существовало"... Ах, Марк, внимательней надо было Вам читать книгу "Дело славистов", написанную историком Ф.Д. Ашинным и В.М. Аппатовым. Кстати, ответственным редактором книги являлся академик Никита Ильич Толстой, с которым я был хорошо знаком и с которым не раз разговаривал о большевистском терроре и "одноплеменниках". Так вот, в самом начале книги, где речь идёт о списке арестованных по делу, есть такой абзац: "на одну особенность списка обратил внимание С.Б. Бернштейн: "среди арестованных не было лиц

с нерусскими фамилиями (Бернштейн, 1989, с. 80), точнее говорить о неславянских фамилиях" (Ф.Д. Ашнин, В.М. Аппатов, "Дело славистов", с. 7).

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: авторы утверждают, что арестовывали учёных только с русскими и только со славянскими фамилиями, а это значит, что процесс можно именовать как "антирусский" или в крайнем случае "антиславянский"... А чего добавлялись от арестованных учёных следователи? Историки Ф. Ашин и В. Аппатов и академик Н. Толстой комментируют это так: "Недолго сопротивлялся следствию и Андрей Дурново... он дал обширные показания на допросе, которые вели не рядовые следователи, а "сами" заместитель начальника Секретно-политического отдела (СПО) Г.С. Ляшкова и начальник непосредственно отвечающего за дело 2-го отдела СПО Коган. А Дурново подтвердил всё, что от него требовалось, и назвал ряд имён. В частности, он заявил: "До моего ареста я входил в контрреволюционную организацию русских фашистов, объединившую различные националистические элементы (русские, украинские, белорусские) на платформе борьбы с Советской властью".

ведь не всех соплеменников М. Дейча из карательных органов, причастных к этому делу, перечислил. Могу добавить к "еврейскому" списку палачей, готовивших "дело славистов", сотрудника ОГПУ Халемского, сотрудника ОГПУ Финкельберга, сотрудника НКВД Фельцмана, прокурора Рогинского, прокурора Розовского, помощника прокурора Лурье, прокурора Глузмана, директора Института языкознания Бочачера Марка Наумовича, сотрудника НКВД Алетера. А с какой стати в ряд "русских чекистов" рядом с Молчановым и Сидоровым поставили заместителя начальника СПО ОГПУ Ляшкова? Чекиста этого, по утверждению Дейча, якобы русские, звали Генрих Самойлович, в 1935 году ему, видимо, за расправу над русскими учёными, было присвоено генеральское звание комиссара госбезопасности 3-го ранга. Впоследствии он стал начальником управления НКВД по Дальневосточному краю, а в 1938 году, подобно еврейским зарубежным чекистам троцкистской ориентации Вальтеру Кравицкому (он же Самуил Гинзбург), Александру Орлову (он же Лейба Фельдман), Игнатию Райсу (он же Натан Порейский), сбежал, но не на Запад, как они, а куда поближе — на Восток, к японцам, которым этот "русский Генрих Самойлович" выдал

важнейшую информацию о состоянии наших войск на Дальнем Востоке. Неблагодарные самураи в августе 1945 года, понимая, что проигрывают войну, приказали перебежчика в Дайренской военной миссии, а иудины телеса сожгли. Недавно шёл по ТВ какой-то фильм о Ежове, и в нём показали фотографии "русского", как считал Дейч, чекиста Ляшкова. На кого он похож, этот яроквыраженный... — говорить не буду, а то в расизме меня обвинят тот же "Московский комсомолец".

Но глубинная суть процесса "славистов" заключалась не в том, даже, кого из сотрудников было больше задействовано: русских или евреев. А в том, что, как пишут историки, "методы следствия по данному делу были типичны для первой половины 30-х годов, когда во главе карательных органов стоял Г. Ягода". Именно благодаря этим методам академик А. Дурново быстро признался на допросе в том, что он "русский фашист".

А сколько было в 20-е–30-е годы подобных процессов местного масштаба против дворян, старых спецов, священнослужителей, "русских фашистов", "антисемитов" — не счесть! Полных масштабов всех этих антирусских чисток, замаскированных фразеологией о классовой борьбе, мы, видимо, не узнаем никогда.

В 1928 году Ленинградское ГПУ арестовало членов так называемой Космической академии наук. Следствие установило, что организация КАН являлась частью существовавшего тогда в Ленинграде полутайного "Братства преданного Серафима Саровского", о котором вспоминает в романе "Побеждённые" И. Головкина (Римская-Корсакова).

Члена-корреспондента Академии наук СССР Н.Н. Дурново с другим членом Ильяшским доставили на Соловки, где начальниками лагеря один за другим в те времена были Ф. Эйхманс, К. Дукис и Бухбанд (без имени). Эйхманс, насколько я знаю, был латыш, остальные — "нерусские большевики", думаю, понятно, что они были по национальности.

Сотрудника Русского музея Б.Г. Кржижановского отправили в Беломоро-Балтийский лагерь, где в начале 30-х годов начальником был Э. Сенкевич, а сменил его Семён Григорьевич Фирин.

Известный профессор ЛГУ Б.Л. Личков попал в Дмитлаг, где начальствовали Б. Кацнельсон и Е. Раппопорт — опять же люди с "большевистскими фамилиями". Думаю, что это были другие Кацнельсон и Раппопорт, нежели заместители начальника управления Гулага, поскольку у них были другие инициалы. А чего удивляться? В конце концов, и начальником секретариата НКВД был некий Я.А. Дейч, что Марку Дейчу он не был родственником и, возможно, не был даже однофамильцем. Профессора МГУ П.А. Расторгуева и члена КАН СССР лингвиста А.М. Селищева загноили в Карагандинский лагерь — вроде бы там казахи были титульной нацией, но лагерной жизнью руководил Коринман, которого сменил О. Линин. Кто из них был из одного колена с М. Дейчем и С. Резником, пусть они догадывают сами.

Профессор Литинститута В.Ф. Ржица, по учебникам которого я занимался в 50-х годах на филфаке МГУ, вместе с научным сотрудником Исторического музея А.Д. Сидельниковым отправились отбывать "срока" в Свирьлаг, где с 1932

"Посмотрел бы ты сейчас, Абрам Ноевич, какой я мундир ношу, с какими он у меня нашивками, значками, опущенными, в каком кабинете я сижу, чем занимаюсь! Небось расстроился бы, замаскал бы руками, заплакал: "Ой, Яша, зачем же ты так? Разве можно!" Можно, старик, можно! Теперь уж не я перед людьми виноват, а они перед мной. И безусловно, пожизненно, без пощады и выкупа виноваты! Отшли их времена, настали наши. А вот к лучшему они или к худшему, я уж и сам не знаю, ну ничего, торопиться нам некуда — подождём, узнаем. Всё скоро выяснится! Всё! Теперь ведь до конца рукой подать. Я чувствую, чувствую это, папа!"

Чувствует еврейский чекист, что скоро стать ему лагерной пылью. Отольются ему слёзы загубленными им славистами! Юрий Домбровский случайно изобразил двух братьев, работающих в карательных органах: в те времена евреи шли во власть семьями, и в первую очередь в ЧК — ОГПУ — НКВД. История сохранила фамилии двух братьев Леплевских — Израйля и Григория. Первый дослужился до комиссара ГБ 2-го ранга, второй через коридоры ОГПУ дошёл до должности заместителя генерального прокурора СССР.

Братья Берман, Матвей и Борис, делают карьеру не хуже. Первый станет начальником всего ГУЛАГА, второй — заместителем начальника иностранного отдела НКВД.

Семья гомельских хасидов Нехамяных: в каком родстве они состояли друг с другом, трудно сказать. Известно, по словам Давида Азбеля, одно: "Неслучай-

Особенно меня трогает это "в нашем народе" и о "социальном происхождении". Думаю, что она была достаточно информированной женщиной, чтобы знать, что руководил НКВД и ГУЛАГом в те времена. Но о своих — молчок. Во всём виновны русские "хваты".

Особенно подробно и тщательно тема "вины русских" разработана в воспоминаниях бывшего энкавэдэшника и литератора, зятя одного из главных чекистов Г. Бокия, Льва Эммануиловича Разгона. Блистательно проанализировал все эти разноречивые "комплексы" Вадим Валерьянович Кожин в работе "Загадка 1937 года". Лучше, чем он, не скажешь о мемах Разгона, изданных в 1988–1989 годах трёхмиллионным тиражом. Кожин подробно анализирует главу из воспоминаний Разгона, которая называется "Корабельников". В ней речь идёт о рядовом энкавэдэшнике, занимающем низшее место в служебной иерархии. Корабельников попал в тот же лагерь, где сидел Разгон, представлял из себя типичного человека-лакея, подобострастно глядящего на начальство. Даже о сверхтупых генералах ЧК — Бокии, Бермане, Паукере — он говорил в лагере с восхищением. Никакого зла он Разгону не сделал, был его постоянным собеседником, но Разгон признаётся: "Из моего злодея, которых мне пришлось встретить, Корабельников произвёл на меня особо страшное впечатление", "его прямые пшеничные волосы... синились по ночам, и я стоял во сне и пропсался, покрытый липким потом...". И сейчас (то есть полвека спустя!) — Ст. К. я совершенно отчётливо вижу его круглое и плоское лицо... Когда я думаю о нём, меня начинает бить дрожь от неутолённой злости". Не начальников Корабельникова, чьи кровавые приказы он исполнял, а именно этого ничтожного винтика ненавидит патологической ненавистью энкавэдэшник Лев Эммануилович Разгон.

"И это, — пишет Кожин, — может иметь только одно объяснение: Бокий и ему подобные всё-таки "свои" (пусть даже они приказывали убивать и "своих!"); напоминая, что Бухарина-Лурье, по её признанию, не смогла дать пощёчину "своему" Андрею Свердлову" (Андрей Свердлов — человек их клана и друг детства — первым допрашивал жену Бухарина). Однако мысль Кожина идёт дальше: "Но вернёмся к "сюжету" с Корабельниковым. По-видимому, одна из причин (или даже главная причина) его появления в книге Разгона — попытка как бы "переложить" на него "вину" за 1937 год. Ведь в заключении своего рассказа о Корабельникове Разгон заявляет: "В моих глазах этот маленький и ничтожный человек... стоит неподалёку от главного его бога — от Сталина"... Что ж, может быть, Разгон с определённой точки зрения прав? Вот, мол, наверху вожь, диктатор, в конце концов, "царь", "самодержец" Сталин, внизу — "представители народа", рядовые Корабельниковы, а посредние — разгоновский "клан", обречённый быть раздавленным сближающимися друг с другом "вождём" и "народом".

Станислав
Куняев

КТО-ТО ДОЛЖЕН ПОКАЯТЬСЯ

Глава из книги

В него входили профессора, преподаватели литературы, учителя истории, студенты. Всего по делу проходило более 30 человек, заключённых после следствия в Соловецкий и другие лагеря. Многим из них следователем А. Строминым (Геллером) было предъявлено обвинение в антисемитизме. Чуть позже в том же Ленинграде чекисты А. Мосевич и Л. Коган внедрились через провокатора в студенческую группу, которая шла у них под названием "Союз возрождения России", ими же разработанную антисоветскую программу и тут же произвели аресты студентов. Естественно, дело было названо "фашистским". Несколько десятков студентов ушли в лагерь.

В 1995 году мы с сыном издали книгу "Растерзанные тени". Это был сборник документов из дел 20-х–30-х годов ВЧК — ОГПУ — НКВД, заведённых на друзей, родных и литературных соратников Сергея Есенина, на писателей из "Сибирской бригады": Павла Васильева, Леонида Мартынова, Сергея Маркова. Кто же начинал и заканчивал такого рода дела? Конечно же, главные ордеры на арест выписывали Г. Ягода и Я. Агранов. Следователи и сотрудники по всем этим делам перечисляю подряд: "дело русских фашистов" — Алексей Ганина с товарищами — вёл начальники 7-го отдела СО ОГПУ Славянский; Сергея Маркова по делу "Сибирской бригады" разыскал в степях Казахстана и этапом направил в Москву алма-тинский гопзупник, помощник начальника УСО Гринбаум; Иванова-Разумкина в 1933 году допрашивал Л. Коган (Коганов было несколько — эта фамилия буквально рассыпана по разным делам). А кому пишет прошение о возвращении в Москву из астраханской ссылки несчастный Иван Приблудный? Опять же единоплеменики Марка Дейча: "Обращаюсь непосредственно к ОГПУ и, в частности, к Вам, т. Фельдман, как к одному из вождей его. Выручайте меня из Астрахани". Дело Павла Васильева вели оперуполномоченный Павловский, начальник 4-го отдела ГУГБ старший майор Литвин, капитан госбезопасности Журбенко. Из них только последний вроде бы русский или украинец...

В 1920 году Есенин с братьями Кусиковыми был арестован ЧК в одном из арабских домов. При аресте и обыске присутствовали местные жители — понятие, так сказать. Фамилии их цитирую по протоколу: "В. Вильд, товарищ Карпович и жилец Фонер". Словом — дети Арбата. Оформлял дело об аресте Есенина и братьев Кусиковых следователь В. Штейнгардт...

МАРК ДЕЙЧ говорил неправду о "Процессе Российской национальной партии", что "никакого заведомо антирусского процесса не существовало", что "готовили его... в первую очередь русские". То, что Гулагом — главным управлением лагерей, трудовых поселений и мест заключения, куда отправили "славистов", руководил квартал в составе М. Бермана (начальник управления, сменивший Л. Когана) и трёх его заместителей: Я.Д. Раппопорта, Н.И. Плинерера и З.Б. Кацнельсона, — его не смутило, потому как — какие же это евреи?! — это же, по Марку Дейчу, "большевистский интернационал". Но почему же тогда чекистов Молчанова и Сидорова из этого "интернационала" он называет не просто "большевиками", а "русскими"?

Пока академиком М.Н. Сперанского и В.Н. Петерца, а также профессора В.В. Виноградова переполняли из одной тюрьмы в другую, остальных 70 славистов развезли по исправительно-трудовым лагерям.

но свела судьба питомцев этого славного рода в ЧК, ГПУ, НКВД, прокуратуру. Один из этой семьи, Рогинский, достиг даже "сияющих вершин" — был заместителем прокурора СССР". (Журнал "Время и мы", Нью-Йорк, 1989, № 105, стр. 204.)

Беленькие... Тут не разберёшься, что родные, что однофамильцы, поскольку их шесть чекистов! Точно известно, что трое — Абрам, Ефим и Григорий — были братьями. В ЧК служил Абрам, Ефим был в Наркомфине, Григорий — в Коминтерне... Остальные (с другими отчествами) — кто где: Захар — в совконтроле, Марк — в наркомнабе, Борис — в торгпредстве.

Дейчи... Тут картина очень серьёзная. Самый успешный — Дейч Я.А., комиссар ГБ 3-го ранга. Макс Дейч — председатель правления треста "Уголь". Мендель Дейч — деятель Бунда, Л.Г. Дейч — профессиональный революционер.

Если к ним прибавить Марка Дейча, то Дейчей будет пятеро, они на počётном втором месте после Беленьких.

Сольцев — всего двое: А. Сольц, которого звали "совесть партии", в "растрельные" 1934–1938 годы был помощником Вышинского. А Исаак Сольц служил в юстиции.

Мироновых — два. Но, видимо, не братья, поскольку один, С. Миронов-Король, — начальник Днепропетровского НКВД, а другой, Л. Миронов-Каган, — комиссар ГБ 2-го ранга.

Были ещё братья по фамилии Бак — Аркадий и Соломон. Первый — председатель Губчека в Иркутске, второй — чёрт знает кто, но тоже чекист. Эпштейнов было пятеро, как Дейчей. Много было бы "братские списки" продолжать, но нет сил рываться по справочникам и выяснять, кто есть кто. Картина и без того впечатляющая.

Семён Ефимович Резник может быть спокоен, его фамилия встречается в справочниках лишь однажды: в историю вошёл российский-американский революционер И. Резник.

Ну, а о Кагановичах с тремя расстрелянными братьями я уж писать не буду. Это все знают. Кстати, почти все упомянутые мною здесь родственники и однофамильцы были расстреляны (кроме Дейча и Резника) в 1937–1938 годах.

Словом, настоящая братская могила.

ВНОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ образовались, грубо говоря, два враждебных друг другу подхода к освещению репрессий 20-х–30-х годов. Кто — русские или евреи — задавал тон в карательных органах?

В начале перестройки мне попалось на глаза стихотворение Фазила Искандера, опубликованное в "апрелевской" газете "Литературные вести", редактируемой Оссокином. Искандер нарисовал в стихотворении образ, как это ему виделось, "типичного" чекиста: русского, русоволосого, который к тому же был "синеглазый, дёрганый слегка". Словом, паренёй из "вологодского конюя", жестокость которого писатели-демократы попытались сделать сущностью ЧК — НКВД. Такие же усилия предпринимала Л.К. Чуковская, когда, вспомнив, что одним из следователей по делу академика Вавилова был чекист по фамилии Хват, писала: "Десяти тысяч потенциальных хватов, мучавших Вавилова... сломавших на следствии 2 ребра Ландау — всегда подспудно таились в нашем народе? Каково их социальное происхождение?" (Самойлов Д., Чуковская Л. Переписка, М., 2004, с. 285).

Книгу можно приобрести в День-магазине: +7 (499) 350-17-79, pochta@den-magazin.ru, den-magazin.ru

БРИТАНСКИЙ АД

Про кого писал Оруэлл

АКТО, СОБСТВЕННО, выдумал, что оруэлловский "1984" — это "про Совок"? Напомню — Джордж Оруэлл никогда не был в СССР. Он писал о доброй старой Англии, как если бы она приняла путь псевдосоциализма (что уживу — то пою). Да, автор базировался на русской теме — на "Мы" Евгения Замiatина. Эта книга произвела колоссальное впечатление на многих западных интеллектуалов (к слову, и "Дивный новый мир" Олдоса Хаксли имеет тот же корень).

Однако мир англ-соца и замиятинский мир-кристалл-Интеграл — это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Замиятин — эстет, наградивший свою антиутопию фантастическим, хотя и зловещим, свечением; он создал изумительной красоты цивилизацию-монстра, где всё стерильно и математически выверено: "Я вдруг увидел всю красоту этого грандиозного машинного балета, залитого лёгким голубым солнцем". Русский тоталитаризм роскошен. У британца всё смердит, разваливается и кишит злыми крысами. Уже самое начало не предвещает никакого волшебства, пусть и жестокого: неработающий лифт, запахок ва-

рёной капуты и маразм в стиле "Война — это мир". Замиятинская антиутопия — царство логики, Оруэлл мастерит неполноценный британский ад. Остров Альбион, в отличие от Европы, тяготеет к illogicality — она есть основа british-мировосприятия и "тонкого английского юмора". В мире Оруэлла есть СССР, и он, точнее — Евразия, воюет с Океанией, англо-американо-австралийским блоком. Там же чёрто говорит: "После того как Россия поглотила Европу, а Соединённые Штаты — Британскую империю...". И мы не в курсе, как живёт Евразия, мы видим всё глазами Уинстоона, работница Министерства Правды.

Но самое поразительное — это... пролы, те, что в оруэлловской Океании считаются людьми второго сорта, на коих не распространяются "завоевания Партии", но, с другой стороны, в проловских кварталах можно ещё отыскать реликты "нормальной жизни": от легкомысленных песенок по радио и косметики до... обычных разговоров по душам, которые для англичан ещё важнее, чем для русских. Англичанин болтливы и любит игру слов. Поэтому одним из главных гуманитарных преступлений англ-соца Оруэлл

называет убийство словесности и низведение оной до краткого словаря-новояза: "Это прекрасно — уничтожать слова. Главный мусор скопился, конечно, в глаголах и прилагательных, но и среди существительных — сотни и сотни лишних".

Так вот пролы. Это типичное для Англии разделение социума на высших и низших. Ни один другой народ не додумался до социал-дарвинизма, а вот как раз евгенкиа и сопутствующие "товары" есть британское наследие. Когда это пытались применять, допустим, германцы, получалась такая чудовищная гадость, что последствия аякуются до сих пор. А в Англии оно — как бы норма. Традиция. Часть бытия. Культурный код. В том же СССР, равно как и в других социалистических странах, пролетариат гегемон или, по крайней мере, активная часть общества.

Партия англ-соца напрямую учит: "Пролы по своей природе низшие существа". Партии главное, чтобы пролы батрачили да размножались, а чем они заняты, хоть спекулируй или воровством, равно как проституцией, не так важно. Один из лозунгов Партии гласит: "Пролы и животные свободны". Кстати, так называемое быдло в Британии — это конкретно "другие". Даже не надо посещать Лондон да Бирмингем, чтобы это понять — достаточно набрать в Гугле: "Англическое быдло гуляет". И вам откроется дивное. Забывающие, неделями немые, с остановившимся взглядом парни, мужики, дедушки. Бабы и девчужки валяются на улицах — опосля трёх пинт... чего-нибудь вкусного.

Англическое простодушие во все века пребывало на дне жизни и да — не любило мяться. Имело право

не мыться. Право на вонь. Сомнительное, разумеется. Тогда как господа выдумывали новые способы то be refined. Бесконечные ванны, отдуши, притирания. Леди с утра до вечера благоухала. Девонка из низов — поднималась с грязного ложа и, нечёсаная, шла валяваться. Когда Пигмалион-Хитгинс из культовой пьесы Бернарда Шоу приказал отмыть Элизу Дулиттл, она искренне воскликнула: "Теперь-то я знаю, почему все леди так чистенькие. Им мытьё — одно удовольствие!" Она показала себе такой хорошей, отмывшись дубелем.

Обычный европеец не "врубается" в комическую соль "Пигмалиона" — у нас это выглядит, как превращение замарашки в даму, Путёвка в жизнь. Поднадулилась и заговорила аки герцогиня Мальборо. В Англии же вызывает гогот сама идея переиначить и перекроить пиффай или, как это называют в Америке — white trash. Это кажется нереальным. Доводилось читать выкладки, что даже речевой аппарат у обитателей трущоб иначе устроен, а поэтому вся их речь — невнятная и чудовищная. Будто они набрали в рот горячей каши! Исправить это? Unreal! Оттого и смешно. Когда как смешнее "говорящей собачки" — мсьё Шарикова.

НОВЕРНЁМСЯ в Океанию 1984 года. Оруэлл не только расписал отношение высших к низшим, ископек веков нагнетавшее в Королевстве. Он выявил все тонкости и пакости, сопутствовавшие лондонской жизни в военное время — бичуа пороки тоталитарной системы, он рисовал то, что сам видел в 1939–1945 годах и чуть позже. Шпионизма, бед-

ность, антисанитария. Напомню, что продуктывоткарточкой в Англии отменили в... 1954 году! Для справки — в "ужасном Совке" — в 1947-м.

Ещё плюшек? Антисексуальная Лига, над которой более всего любят потешаться наши либералы (относительно к советскому "горе-целомудрию"), — это ни разу не Совдел, но стойкое викторианское ханжество с его эвфемизмами, запретами и культивируемым стыдом. "Табурированный оргазм" для женщины в мире-1984 — это прямая отсылка к исторической реальности годов этак 1870-х, а не к "Совку". При советской власти секс был, просто о нём не орали в прессе и по телеящику.

Оруэлл — мастер тонких намёков и символов. Тончайшая тагия Джулии, подчёркнутая кушаком Антисексуальной Лиги — это аналог британского тугого корсета у старых девок XVIII–XIX столетий. Востроносые, холодные spinsters обладали осязными станами и гордились ими. Талия 17 дюймов (чуть больше 43 см) — это признак нетрунотности и чистоты. Считалось, что гулящие девки, особенно французские, не носят корсетов или же не затягивают их должным образом.

И таких примеров — масса. Больших и малых. Дьявол не только в мелочах. Старший Брат — это new-Кромвель, соединённый с Генрихом VIII — беспредел за гранью здравого смысла. Да. Эммануил Голдштайн имеет черты Льва Троцкого, но это лишь небольшая "советская" изюминка в раскоме британского повествования. Всё остальное — тамошее. А не тутошее.

Галина ИВАНКИНА